

Рубаи Омара Хайяма, знаменитого персидского поэта XII века, математика, астронома, философа,— визитная карточка Востока. Его четверостишия, обращенные ко всем четырем сторонам света, стали непреходящим достоянием мировой культуры. Великий поэт ведет веселые и печальные беседы с Вечностью и споры с Судьбой.

Хайям чутко реагировал на несовершенства мира, не искал легких путей, не поддавался однодневным иллюзиям, возводил интеллектуальный заслон перед ханжеством и фальшью. В предисловии к «Алгебре» он с горечью сетовал: «Большая часть тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и лицемерия. И если они встречаются человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек». Гениальная самоирония Хайяма, его меткое слово стали лучшим оружием против «презрения и насмешек» самодовольной толпы, а изящные четверостишия поэта оказались куда долговечнее подложных истин, взлелеянных его «учеными» современниками.

Бессмертные рубаи Омара Хайяма позволяют приблизиться к сакральной мудрости Востока. Прозрачность и пластичность языка, глубина и гибкость мысли удивительным образом подкупают современного читателя. Терпкая мудрость, дерзкий юмор, неизбывная свежесть — верные опознавательные знаки поэзии Хайяма, неувядающей ветви на мощном древе всемирной литературы.

Вы, объятые шумным веселием круга,
Под звучанье барбата, воспойте друг друга.
И незло помяните беднягу Хайяма,
Что очнулся травинкой весеннего луга.

А
Незло
помяните
беднягу
Хайяма

Не тверди, что идет за бедою беда.
Ты желанной награды не сыщешь тогда.
Знает каждый мудрец: все во власти Аллаха.
Слезы лить понапрасну не стоит труда.

Знает каждый
Мудрец:
все во власти
Аллаха

Бедные жители кладбищ, их горевое родство
В прах превратилось летучий. Ветер развеял его.
Что за вино они пили, если до Судного дня
Спят, ни о чем не тревожась, спят, не боясь ничего?

Даже избранный муж, чья всеильна рука,
Кто о мире привык рассуждать свысока,
Пред делами Всевышнего жалок, потерян
И ничтожен, подобно крупнице песка.

Смерть торгов не ведет и не кажет лица.
На нее ты бежишь, словно зверь на ловца.
Чрево рыхлой земли — вот обитель покоя.
Пей вино. Этой сказке не видно конца.

Пей
вино.
Этой сказке
не видно
конца.

Улюб
було
наодинця
чалу
вечер
очелуаєм
має жєтко.

Избороздив морщинами чело,
Сомненье не сулит нам ничего.
И лишь вином наполненная чаша
Весельем освещает торжество.

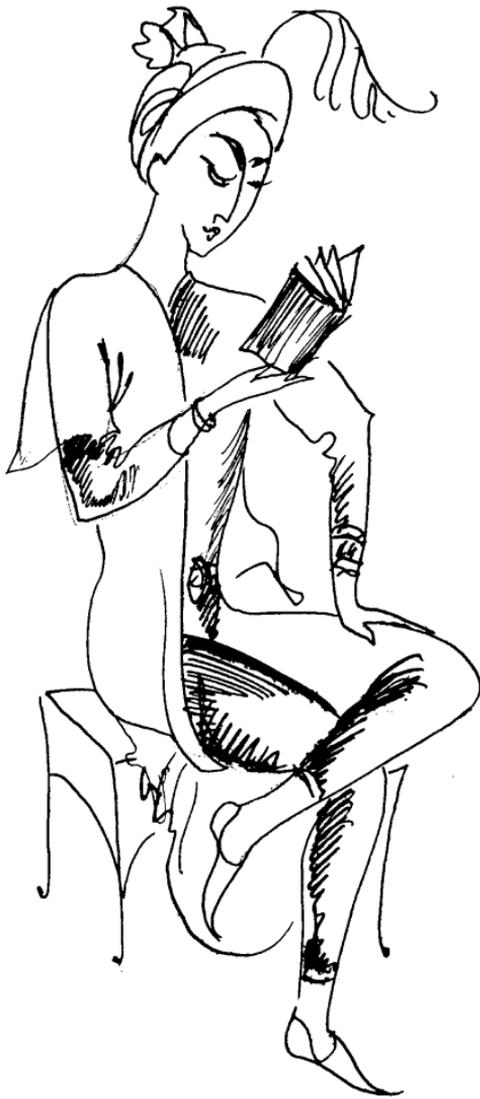

Смерть не страшит, поскольку там, где окажусь потом,
Найду я пышность цветника и постоянный дом.
Коль тело бренное Творец мне дал взаймы, на время,—
То и расстанусь с ним легко, не пожалев о том.

Ты видел гибель царств и смерть царей.
Но рока меч коварней и острей.
Коль в рот тебе судьба халву положит,
Остерегись: крупицы яда в ней.

Зря ты метался меж злом и добром,
В первом тонул, выплывал во втором.
Ради тебя измениться не может
То, что начертано Божьим пером.

У меня — ни двора ни кола во дворе.
Вся наличность моя — голова в серебре.
Пьянь. Бродяга. Болтун. А поскольку в седирах —
Борода, то и черт, как известно, — в ребре.

Вся наличность
Моя
Голова в
серебре.

Я видел сон: один мудрец мне произнес: «Пока
Ты спишь, дряхлеют лепестки пурпурного цветка.
Стряхни дремоту дней своих, что смерти равносильна.
Встань, ибо скоро ты уснешь на долгие века».

Там, в загробном краю, хорошо или худо —
Не расскажет никто, не надейся на чудо.
Для чего ты зарыл столько золота в землю,
Если знал, что за ним не вернешься оттуда?

Для
чего
ты зарыл
столько
золота
в землю,

Седи згад,
што за гук
Не
вертешце
штуда

И сгорбленный старик, чья борода седа,
И розовый юнец — все сгинут без следа.
Ты думал, этот мир вручен тебе навеки?
О нет, всего на миг ты заглянул сюда.

Бестолково состариться нам суждено.
Время нас истолчет, словно в ступе — зерно.
Для чего мы посеяли столько желаний,
Если нам урожая собрать не дано?

«Кто блажен?» — я спросил одного мудреца.
Он ответил: «Как слепы людские сердца!
Счастлив тот, кто в объятиях своей луноликой
Ночь проводит, которой не видно конца».

Счастливец тот,
кто в объятиях
своей луноликой

Ночь
проводит
которой не
видно
конца.

Я спешил в погребок. Осветила луна
Захмелевшего старца с кувшином вина.
Я спросил: «Почему не стыдишься Аллаха?»
Он ответил: «Бог милостив, пей же — до дна!»

Тот блажен, кто избрал не ярмо, а свободу,
Кто молился закату, а также — восходу,
Кто — все ниже склоняя кувшин обливной —
Пил вино бытия, а не пресную воду.

Я откроюсь тебе: цель творения — мы.
Ненасытного разума зрение — мы.
Этот круг мироздания перстню подобен.
Лучший камень в его инкрустации — мы.

Мы
всегда источник
и пожар
мятежа,

Мы — веселья источник и пожар мятежа.
Справедливости корень и коварство ножа.
Совершенство и низость, очищенье и грязь.
Мы — и чаша Джамшида, мы — и зеркала ржа.

Употребляй всю румяна, притиранья.
Но старость победить — напрасные старанья.
Сто раз произнеси, что ты — источник жизни,
Но век измерен твой, как сказано в Коране.

Смешна твоя радость, а также — обида.
Ты легче пылинки из праха Джамшида,
Мгновенья короче, бесплотней надежды,
Что бледным огнем сновиденья прошита.

Помнишь малую каплю, что стала волной,
Горстку праха, что с глиной смешалась земной?
Что приход и уход твой для мира? — Вот муха:
Прожужжала и стала сплошной тишиной.

Что приход
и уход
твой
для
мира?

Тот, Чью тайну скрывают лазурные дали,
Безразличен к победе моей и к печали.
Пусть я пьян от грехов, но трезвею от веры,
Что в конце Он утешит меня, как в начале.

Каплей жидкости были мы, вложенной в чресла,
Что в огне обоюдных желаний воскресла.
Завтра ветры развеют наш прах, но сегодня
Веселись: то, что в чаше, хмельно, а не пресно.

Веселись!
то, что в чаше,
Хмельно, а не
пресно!

СОДЕРЖАНИЕ

Омар Хайям. Рубаи. <i>Пер. Ирины Евсы</i>	7
Омар Хайям. Рубаи. <i>Пер. К. Бальмонта, Г. Плисецкого,</i> <i>О. Румера, А. Кушнера, Г. Семенова, И. Тхоржевского.</i>	243
Науруз-наме (Новогодняя книга). <i>Пер. Лео Яковлева</i> <i>и Б. А. Розенфельда</i>	280
<i>Н. Бельченко. «Я останусь Хайямом...»</i>	333